

Филимон Сергеев

ОРАНГУТАН И ВАУЧЕР

Филимон Сергеев
Орангутан и Ваучер (сборник)

Издательский дом «Сказочная дорога»

2014

УДК 82-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Сергеев Ф. И.

Орангутан и Ваучер (сборник) / Ф. И. Сергеев — Издательский дом «Сказочная дорога», 2014

ISBN 978-5-4329-0051-7

В книгу вошли трагикомические повести и рассказы, в которых контрастное сочетание реального и фантастического создает яркие художественные картины, в гротескной форме отражающие реалии нашей жизни. В книге также встречи с Василием Шукшиным, Владимиром Высоцким.

УДК 82-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-4329-0051-7

© Сергеев Ф. И., 2014
© Издательский дом «Сказочная
дорога», 2014

Содержание

Орангутан и Ваучер	6
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Филимон Иванович Сергеев

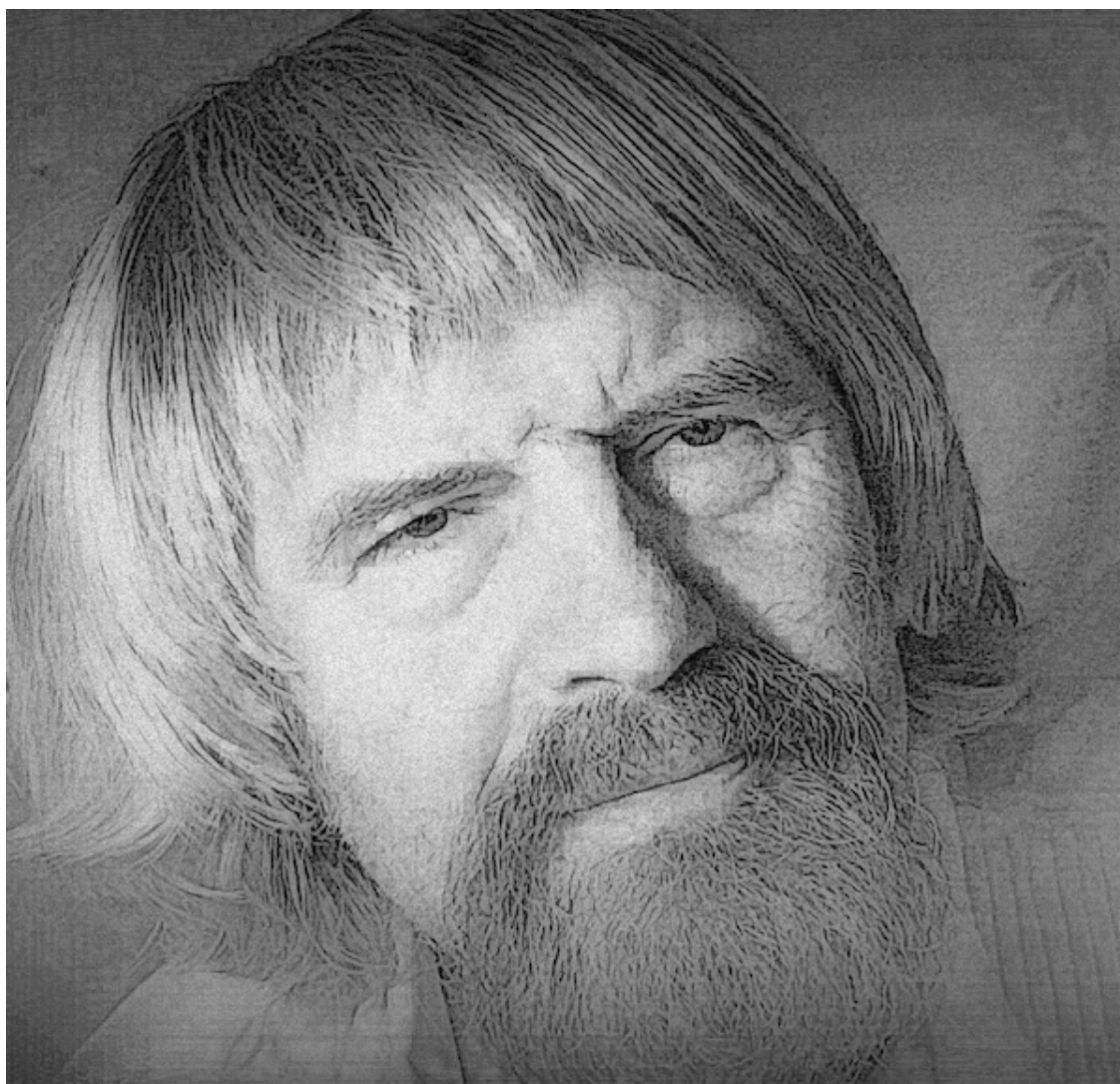
Орангутан и Ваучер

© Сергеев Ф.И., 2014

© Издательский дом «Сказочная дорога», оформление, 2014

«Я родился в жуткой бедности, где нищета достигла страшных размеров, но как бы ни было трудно, деньги никогда не были превыше всего... Превыше всего была совесть... И я выжил, сокрушая на своем пути все бессовестно-наглое, противоестественное. Мне трудно жить в государстве, где источник власти не мудрость, а капитал... Но там, где капитал подвластен мудрости человека, я могу творить чудеса».

Филимон Сергеев. Говорящие памятники

Орангутан и Ваучер

Иван Иванович Сизарев, старший сын Софьи Мавродиевны Голубковой, как и многие у нас в России, жадно верил в светлое будущее и не жалел для его приближения ничего – сам работал без продыха и любимой жене поблажки не давал.

– Марья, подъем! Уже шесть часов! Поросяху пора кормить... Коровенка сена просит. Я уже четвертый сапог клею. Вставай, кому говорят!

Была мечта у Ивана Ивановича – наладить свое материальное благополучие за счет медвежьего промысла. Хотя зверь еще в доперестроечные времена хитрым стал, оборотистым... Капканы, зараза, за версту обходит... Но при хорошем ружье добыть косолапого можно. И вот о таком хорошем ружье размышлял Иван Иванович. В Москву поехал, пока не присмекал у одного видного деятеля не тульскую двустволку, а десятизарядный автомат... Бух-бух-бух десять раз подряд – не то что медведь, носорог от тебя не уйдет.

Ружье стоило дорого... К тому же бизнесмен, узнав, что Сизарев с Севера, потребовал, кроме солидной суммы, семь килограммов красной рыбы семги и два кило медвежьей желчи.

Ударили по рукам до осени.

И вот осенью Иван Иванович отправился за ружьем-автоматом. Перед отъездом в Москву обошел все жилые берлоги, сосчитал их, составил карту промысла. От финансовых прогнозов кружилась голова. Жена же, Марья Тимофеевна, лишь плакала. И было от чего. Почти вся недвижимость, нажитая не за один год, весь скот – все ушло на покупку диковинного ружья.

Москва встретила Ивана Ивановича как и в тот раз – суматохой, какой-то многоликой обалделостью. На Неглинной он нырнул в магазин «Охотник». В пустом углу висела неприглядная волчья шкура ценой в восемьдесят тысяч.

– А шкуры медведя бывают? – поинтересовался он.

– Только что иностранцы купили, – ответил продавец.

– За сколько?

– Самая дешевая – пятьсот долларов.

Иван Иванович одобрительно крикнул, а выйдя из магазина, направился к телефонной будке. Номер телефона оружейного торговца он выучил наизусть. Познакомились они в охотничьем магазине, где в тот приезд Сизарев пытался продать килограмм медвежьей желчи. Его товар сразу привлек внимание многих «коммерсантов», в том числе и постоянного клиента магазина Артура Борисовича Мордова, известного миллионера-коллекционера не только редких ружей, но и самых дорогих московских девочек.

Иван Иванович набрал номер и, услышав знакомый голос, поздоровался.

– С приездом, дорогой эскимос, – ответили в трубке. – Ну как дела? Гостинцы привез?

– Как договорились...

– Через комиссионный оформлять будем или без лишней волокиты, ты – мне, я – тебе?

– Через магазин.

– Пожалуйста... Но учти, обойдется на тысячу баксов дороже.

Иван Иванович приуныл.

– Через комиссию у меня денег не хватит...

– Жди меня на скамейке, в парке, рядом с метро «Измайловская». К часу я буду.

Иван Иванович положил трубку, закурил.

«Уж больно не хочется из-под полы покупать... Ох, не нравится мне этот коллекционер, – размышлял он. – А вдруг цены еще поднимутся? Нет, надо брать сейчас. Но трубки на сигнальные ракетницы надеть, пожалуй, надо!..» Сигнальные ракетницы Иван Иванович всегда носил с собой. Они были величиной с авторучку, но ракеты из них летели на пятьдесят

метров, а если вместо ракет вставлялась трубка с малокалиберным патроном, то расстояние увеличивалось втрое.

* * *

До встречи с Артуром Борисовичем оставалось еще много времени, и Сизарев решил навестить Старый Арбат. Там, на экзотическом пяточке, людям предлагали уникальные фотографии с медведем, совой и маленьким утенком. Медведь был в наморднике, большой, важный. Рядом вертелась женщина, вероятно, дрессировщица, по габаритам под стать подопечному, симпатичная и подвижная. «Медведица», – подумал он и, подойдя поближе, спросил:

– Извините, гражданочка. А мне можно сфотографироваться со зверушками?

– Почему бы и нет, – приветливо улыбнулась женщина. – Платите... – и снимок ваш... Внимание! Внимание! Моментальная фотография с Мишей, Борей и Тимуром! – громко объявила она, обращаясь к прохожим.

– Деньги сразу? – поинтересовался Иван Иванович.

– Сначала позируем, потом рассчитываемся, – засуетился фотограф. – Вам один снимок или два?

– Пока один. С Мишей...

– А с Борей не хотите? – спросила женщина.

– Нет...

– Простите, вы кто по профессии? – поинтересовалась «Медведица».

– Как вам сказать... Раньше сапожничал, потом пастухом в совхозе работал, а теперь бизнесом решил заняться.

– Каким?

– Ну, к примеру, могу вас такими косолапыми, – он кивнул в сторону Миши, – вернее, их шкурами по горло завалить.

– Серьезно?

– Для такой женщины, – вдруг удивляясь самому себе забормотал Иван Иванович, – любой зверушки не жаль.

– Интересно! Разрешите телефончик записать?

– Мой дом далеко на Севере...

– Ну, тогда мой запишите!

– Я хотел уехать сегодня вечером. Женщина протянула визитку.

– Здесь домашний и мобильник. Кстати, как вас зовут?

– Иван, отчество Иванович.

– А меня зовут Раисой Мартыновной. Но лучше просто Раей.

– Ну, я двинулся, – сказал Иван Иванович. – Мне еще поспеть надо...

– На свидание?

– Ага, – улыбнулся Иван, – еду в Измайловский парк. Ежели желание имеется, подъезжайте к метро у парка, часикам к трем.

* * *

Волнения Ивана Ивановича были не напрасными. Артур Борисович опоздал на полчаса. Его сопровождали двое плотных мужчин с импортными кейсами – вроде охранников. Вскоре они куда-то исчезли. В руках Артура Борисовича был жесткий чехол для гитары.

– Штучный вариант, – строго сказал он подошедшему Сизареву, – особого спецзнака.

– А какая госцена этому пулемету? – поинтересовался Иван. – Скажем, если б он в магазине продавался.

- Вопросыки у тебя, эскимос, не по делу. Наступило неловкое молчание.
- Так берешь или блейфуешь? – поинтересовался миллионер. – А то я тороплюсь.
- Беру! Беру!

Они отошли за кусты, и Иван Иванович высыпал деньги прямо на траву. Коллекционер оживился, открыл чехол для гитары, вытащил калькулятор. автоматическое ружье лежало там же.

– За этой вещью пол-России гоняется, – еще раз напомнил продавец о достоинстве оружия, достал машинку для счета денег и опустил в нее несколько сотен тысяч. – Так-с, с деньгами все в порядке. А рыбка где? Желчь медвежья?

Иван Иванович быстро взял чехол с автоматом в руки, сунул под мышку.

– У тебя сейчас не рыбка, а морда красная будет! Иван быстро зашагал к метро.

– Гражданин, – окликнули Ивана Ивановича. – Предъявите документы.

Он оглянулся и увидел тех двоих с кейсами – телохранителей Мордова.

– Надеюсь, не надо объяснять, откуда мы? – буркнул один из них, показывая красную книжечку удостоверения.

Иван Иванович заглянул в нее, прочитал: «старший инспектор Рольмопсов» и далее было неразборчиво.

– Пройдемте с нами в отделение, – зудел над ухом второй.

– В какое?

– В наше... отделение.

– У вас что, свое отделение? – вспыхнул Иван, заметив, что инспектора ведут его в противоположную сторону от полицейского участка.

Когда кустарник остался далеко позади и грохот метро смолк, Иван Иванович остановился.

– Извините, господа хорошие, я должен записать телефон владельца этого инструмента.

– Давай поддержку... – Рольмопсон хотел взять чехол, но Иван Иванович отступил, быстро достал сигнальные ракетницы, похожие на шариковые ручки, и неожиданно прохрипел.

– А ну, ребятки, отваливайте! Мордастые оторопели.

– Ты что, быдло деревенское?! За сопротивление срок намотаем!

– Я вам намотаю, паразиты!

Рольмопсон бросился на Ивана Ивановича, ударил его, пытаясь вырвать чехол, но выстрел из сигнальной ракетницы остановил его.

Охранник сплюнул кровью и повалился в траву, судорожно сгребая ее руками. Напарник бросился в кусты, на бегу выкрикивая что-то предостерегающее Артуру Борисовичу, который издали наблюдал за всем происходящим.

Через несколько секунд «продавцы» исчезли, и Иван Иванович снова повернул к метро.

Иван заторопился, поднялся к перрону метро, но его окликнул женский голос. К нему подошла знакомая с Арбата.

Высокая, полногрудая Раиса, в пуховой куртке с огромными плечами, была похожа на тевтонского рыцаря.

– О нашем свидании уже забыли? – усмехнулась она.

Иван Иванович перевел дыхание, с трудом улыбнулся.

– Извините, Рая, у меня ЧП. Пойдемте в метро. Мне надо как можно скорее на Ярославский вокзал.

– Да что же произошло? Не бегите, я на машине, и я вас подброшу, коли так приспичило.

Она взяла его за локоть и потянула к великолепному джипу «Чероки». Оказавшись в машине, Иван Иванович тяжело вздохнул. Он молча положил автомат на заднее сиденье, закурил.

– Раиса Мартыновна, не думал, что вы придете, – тихо сказал он. – Не знаю, кто вас послал. Бог или дьявол, но мне не по себе... Я в жутком трансе...

– Договаривайте, дорогой мой, – она достала из рундучка бутылку «Сибирской» водки и, ловко открыв, плеснула в складной стакан.

Иван Иванович выпил. Водка показалась слабой, и он попросил налить еще.

– Собственно, теперь все равно куда ехать... – мрачно выдавил он и перекрестился.

– Почему теперь?

– Да вот купил я эту штуку...

– Какую штуку?

– Автомат с нарезным стволом. Раиса Мартыновна притормозила.

– Расскажите все по порядку или вытряхивайтесь из машины... По всем признакам, вы рецидивист-одиночка.

– Убивать людей большой грех. Но я бы не стрелял, если б знал, что так получится. За автомат я отдал много денег. А они и деньги забрали, и хотели автомат себе вернуть!

– Вы кого-то убили? – шепотом спросила Раиса Мартыновна.

– Да, – также тихо ответил он, и лицо его вспыхнуло, глаза заблестели. – Хотел отпугнуть, а получилось – всерьез. До сих пор руки трясутся.

– И что теперь намерены делать?

– Пойду в полицию... Расскажу все как есть.

– Бог ты мой!

Раиса Мартыновна завела джип, и они медленно покатали в сторону вокзала.

– Свидетели были? – строго спросила она.

– Только те «продавцы». Трое их было.

– Как звали главного?

– Артур Борисович.

– Какой он из себя?

– Смуглый, с карими глазами, лысый, а из ушей волосы растут...

Раиса Мартыновна остановила машину, кокетливо покачала головой.

– Иван Иванович, вы сумасшедший! Вашего главного вся Москва знает! Он очень богат... и не любит стрельбы...

– Тем хуже для него...

– Вы, я вижу, Дон Кихот... Выпейте еще. У вас нервный шок.

Так, в хозяйстве Раисы Мартыновны, носившей странную фамилию Ваучер, появился еще один медведь – Иван Иванович Сизарев. Она довезла его до вокзала, но он так ослаб, что она решила не сдавать своего нового клиента правоохранительным органам.

Раиса Мартыновна привезла его в большом опьянении, положила в отдельную комнату, увешанную коврами и шкурами, где он и уснул.

* * *

Утром она вошла к нему в спальню и, протянув ключ от комнаты, тихо сказала:

– Располагайтесь здесь по своему усмотрению. Советую принять хвойную ванну и сбрить бороду, – она положила на стол пузырек с валерьяновыми каплями, улыбнулась и достала из-под стола две бутылки шампанского. – Ну как, пойдете в полицию, или по телефону позвонить, чтобы за вами приехали? Дорогой мой, Иван Иванович, какие бы вы ни строили планы, теперь вы – мой, сколько я этого захочу, либо я вас выгоню, и вы попадете в тюрьму. Но вы мне очень нравитесь, и, более того, ваша стоимость в силу сложившихся обстоятельств, по-моему, фантастична. Я бы напилась сейчас до чертиков и с удовольствием легла с вами в койку, но, как назло, сегодня у меня два концерта и запись на телевидении. Так что могу только выпить

да чмокнуть вас, – она мягко, как сиамская кошка, опустилась к нему на колени и раскупорила бутылку.

– Выпьем, дорогой мой, за вашу милую внешность! Так и хочется сказать – Топтыгин Иванович. Я создам из вас удивительный образ! Супер!

Она выпила шампанское и поцеловала его в губы.

– Если сухое вино вам не поможет, то в холодильнике возьмите «Сибирскую», снотворное там же. А теперь до встречи. Зазвонит телефон – не отвечать.

Она усадила своих животных в машину и исчезла.

По телевизору транслировалась встреча с интересными людьми, среди которых оказался руководитель малого предприятия Артур Борисович Мордов.

Оружейный делец долго поучал, как надо делать бизнес, откуда брать преданных и хорошо обученных инспекторов-исполнителей.

В конце беседы он сообщил, что рэкет не дает ему покоя и что на его сотрудников уже были покушения, в результате чего погиб профессиональный инспектор и похищен немецкий автомат, купленный в комиссионном магазине.

Иван Иванович выругался, выключил телевизор и, сбрав бороду, полез в хвойную ванну. Ему казалось, что он сошел с ума. Он подходил к крану и попеременно включал то горячую, то холодную воду и, только почувствовав разницу, немного успокоился. «Наверно, еще не совсем сошел», – подумал он.

Раиса Мартыновна возвратилась с животными в полночь. Миша сразу направился на второй этаж.

Остановившись у порога квартиры, он фыркнул, поднялся на задние лапы и стал принимать.

– Ну, ну, – подтолкнула его Раиса Мартыновна, открыв дверь в квартиру. – У нас все тот же клиент, не ревнуй...

Иван Иванович вышел навстречу.

– Подождите минут десять в своей комнате, – с улыбкой сказала Раиса Мартыновна. – Он волнуется. Не удивляйтесь. Сегодня у меня еще одна везуха. Мне подарили тушку африканской обезьяны из Сухумского питомника. Так что впереди много работы.

Он слышал, как она с трудом втащила тушу на кухню и, облегченно вздохнув, положила в холодильник.

Он хотел помочь ей, но Раиса просила не входить, пока не покормит медведя.

Косолапый ел много, пофыркивая и почесываясь. Несколько раз он переставал жевать овсяную похлебку и прислушивался, поглядывая то на дверь комнаты, в которой находился очередной клиент, то на холодильник. Покормив медведя, Раиса Мартыновна позвала Ивана Ивановича.

– Дорогой мой, без бороды я вас не узнала, – с улыбкой сказала она. – Если все у нас пойдет по плану, то скоро в России появится новый частный цирк. И возглавит его не какой-то Викулин или Артур Борисович, а я – ведущий коммерсант России, Раиса Мартыновна Ваучер. Хотите коньячку?

– Спасибо. Вот чаю я бы выпил за ваши успехи. Артур Борисович по телевизору выступал.

– Вот как! Давно не было слышно.

– Врал, что на него покушались.

– Завтра пойдем в церковь, исповедуетесь, поставите свечку по убиенному, – вдруг строго сказала Раиса. – Тюрьма ждет вас, конечно, но, работая на меня, вы будете в полной безопасности.

Она подошла к двери, ведущей в коридор, и плотно закрыла ее.

– Пусть Миша не знает, о чем мы говорим. Слушайте меня внимательно. Моему цирковому номеру нужен оригинальный образ, интересный, неожиданный! Представьте себе: на манеж выходит снежный человек, или двухметровый орангутан. Вот в этой шкуре вы будете ловить меня, как тарзан, и под аплодисменты и рев Миши выносить за кулисы. Иван Иванович, вы можете взять меня на руки и сделать несколько шагов?

Лицо Сизарева стало бледным, глаза провалились.

– Ну что вы молчите? Красавец мой, тайгой вскормленный, – неожиданно вспыхнула Раиса Мартыновна. – А ну-ка встаньте так... Протяните руки вперед. Вот так, хорошо. Напрягите их. Молодец. А теперь ловите момент.

Раиса Мартыновна сделала несколько шагов в сторону и с разбега прыгнула в объятия Ивана Ивановича. Он еле-еле успел протянуть руки, затем охватил ее мускулистое тело и вдруг почувствовал не то что тяжесть, а напротив, какую-то необыкновенную легкость, даже воздушность ее тела.

И самое удивительное – оказавшись в его объятиях, она не спешила опустить ноги на пол. И он не торопился разжать руки. Наоборот, чем дольше она была в плену его ручищ, тем сильнее он сжимал ее упругое тело.

– Иван Иванович, вы молодец! А теперь несите меня! У вас хорошо развиты мышцы секса и райских наслаждений.

Из спальни донесся грозный рев медведя.

– Отлично. Завтра же заказываю для вас костюм орангутана!

Лицо ее вспыхнуло, загорелось румянцем.

– Или все-таки, использовать вас в другом качестве? Нет-нет. Вы – вылитый орангутан!

Она быстро отыскала складной метр, карандаш, бумагу и стала ловко обмерять, слегка оглаживая, его тело.

– Это прекрасная идея, дорогой мой. А главное – вы все время будете в маске, в костюме. Снимать его будете только дома. Полная конспирация.

Иван Иванович кивал головой.

Он начинал понимать, что перед ним возникает перспектива новой жизни, насыщенной событиями и необычными обстоятельствами.

И в этой жизни Раиса Мартыновна занимает все большую роль. Но какую?

– Извините, Раиса Мартыновна, – с грустью в голосе сказал он. – Мне необходимо жене написать. У вас не найдется почтового конверта?

– Конечно, найдется. Только почему столько тоски в глазах? Поверьте мне – то, что я вам предложила – бальзам спасительный! Ведь Артур Борисович от вас так просто не отстанет.

– Я убью его, – неожиданно вырвалось у Ивана Ивановича.

– Дорогой мой, – вкрадчиво возразила Раиса Мартыновна. – В биографии наивного рецидивиста это будет второе убийство.

Она взволнованно поднялась со стула и, подойдя к нему, положила руки на его плечи.

– В этих плечах столько дикой силы, крепости. Мне бы не хотелось, чтобы вы ее использовали только в лагерях и тюрьмах! Прислушайтесь к моему сердцу, дорогой мой, и вам немного полегчает – она вдруг дотронулась до него не только разгоряченными губами, но и взволнованной грудью, и Иван Иванович внезапно почувствовал знакомый с детства, очень любимый запах парного молока. – Золотой мой, – тихо сказала она, и в ее голосе вдруг послышалась потаенная насмешка. – Идите ко мне... Я люблю вас, очень люблю... Я хотела бы иметь от вас таких же породистых орангутанчиков, – она ловко сбросила халат и судорожными пальцами раздела его. – А утром... утром пойдем в церковь.

Было около пяти утра, когда Иван Иванович взял карандаш, сел за письмо. Циркачка лежала рядом в чем мать родила и вздрагивала во сне.

«Мария, – писал он, – случилась беда. Эти господа оказались оборотнями, лицемерами. Автомат я приобрел, но знала бы ты, какой ценой! Меня выслеживают днем и ночью. Я даже адреса своего тебе не могу сообщить. Твою просьбу достать материи я не выполнил. Поросят живых здесь тоже не видел. Есть объявления о породистых собаках, а поросят не продают. Дорогая Марья Тимофеевна, очень хочется домой. Как там у нас на брусничной болотине? Наверное, поспели ягоды. Извини, что из-за такого дурака, как я, ты теперь живешь в бане. Зачем я продал дом?!.. До встречи. Твой Иван».

* * *

В Елоховском соборе шла служба – воскресная литургия, пахло воском и ладаном. Раиса Мартыновна была в черном платье и выглядела очень привлекательно. Рядом стоял Иван Иванович. Вдруг она сказала ему шепотом:

– Иван Иванович, вот ключи от квартиры, идите домой. Немедленно...

– Зачем?

– Артур Борисович здесь. Он не один. Придете домой – мишу выпустите на кухню... Чтобы не волноваться, примите таблетки две-три... не меньше двух... Я их у телефона оставила.

Ивана Ивановича словно ветром сдуло... Когда прихожане запели «Господи, помилуй», Раиса внезапно оказалась рядом с «миллионером-перекупщиком». Она неожиданно опустилась на колени и запричитала, как истинная верующая. Артур Борисович, выискивая кого-то взглядом в толпе, вдруг обратил на нее внимание и поднял циркачку с пола.

– Вы кого-то потеряли? – лукаво спросила она.

– Неужели мне показалось, – мрачно ответил он, разглядывая ее наряд и внезапно добавил. – Мы с вами, прелестное создание, где-то встречались.

– Возможно, – игриво пролепетала циркачка. – Я-то вас каждый месяц по «ящику» вижу.

– Вспомнил! вдруг зло почти выкрикнул миллионер и бесцеремонно вывел Раису Мартыновну во двор. – Это вы были у метро «Измайловская» с борода-чем! А вам известно, мадам, что он рецидивист? – Артур Борисович цепко заглянул ей в глаза и циркачка обратила внимание, что зрачки его глаз не темно-карие, как изображал телевизор, а красно-красного цвета.

– Вы меня с кем-то спутали, дернула модными плечиками циркачка словно латами.

– Я уверен... Это вы его увезли...

– Бред сумашедшего!

– Проверим...

Он вытащил из кармана золотой портсигар и неподалеку появились мужчины с черными «дипломатами». В руках одного был чехол для гитары.

– В машину, – показав охранникам на Раису, скомандовал Артур Борисович. – Поговорим в другой обстановке.

Раису Мартыновну словно отбросило в сторону – к ограде.

– Любезный Артур Борисович, – сквозь зубы прошептала она. – А ну посторонитесь.

И в тот момент, когда он двинулся к ней, она выхватила из модной сумочки золотой шар и кинула его в сторону телохранителей.

Шар ударился об асфальт.

Легкий туман вырвался из него и охрана медленно, как в кино, легла на землю.

– У вас нет желания присоединиться к ним? – Раиса Матрыновна улыбнулась «коллекционеру-перекупщику».

Артур Борисович словно окаменел.

– Не волнуйтесь, – успокоила его Раиса, – через несколько минут они будут в полном порядке, а вас я приглашаю к себе на чашку кофе. Только с одним условием – к животным не прикасаться.

– К каким еще животным? – озадаченно возмутился Артур Борисович.

– Я же в цирке работаю, животных держу дома. Кстати, Артур Борисович, вам не кажется, что убийца – не тот человек, которого вы ищите?

– Тогда кто же?

– Вам виднее.

– Интересная мысль... Как это вы додумались?

* * *

– Мы уже пришли, дорогой мой...

Раиса Мартыновна осторожно поднялась на второй этаж роскошного особняка, неподалеку от церкви, прислушалась к шагам Миши. Он был в коридоре и, почуяв приближение гостей, зарычал.

– Иди в свою комнату, – резко сказала она, приоткрыв дверь.

Но медведь не уходил, продолжал рычать и скоблить лапой пол.

– Он не любит запах оружия и винного перегара. Она быстро прошла в квартиру.

Убедилась, что комната Ивана Ивановича закрыта, заперла Мишу в спальне.

Артур Борисович внимательно разглядывал просторную кухню, украшенную множеством шкурок различных животных и хорошо выделанных человекообразных обезьян. Раиса Мартыновна заварила кофе, разлила в чашки, достала бутылку коньяка.

– Судя по выступлениям, вы, дорогой мой, весьма заинтересованы в развале России.

– Вы хотите разозлить меня?! – неожиданно повысил голос Артур Борисович.

– Наконец-то я разбудила настоящего зверя, – с улыбкой сказала Раиса Мартыновна. – Да еще какого! И это после семидесятилетней уравниловки.

Они выпили.

– Артур Борисович, я знаю, что у вас очень много врагов, – строго сказала Раиса Мартыновна. – Вы их ненавидите. Лютой ненавистью. Не правда ли? И кто бы они ни были – министры, бизнесмены, фермеры, депутаты, вы готовы разрубить их, четвертовать, сжечь, превратить в манкуртов. Многие из них хотели бы сделать то же самое с вами...

– Вы – страшная женщина, – тихо сказал он. – Я никак не могу понять, чего вы хотите? Назвать своих врагов мне нетрудно... К примеру, этот бандит, с которым вы у метро кокетничали. И министр новый, противник торговых палаток. Негодяи! Пекутся о народе, забыв, что его уже нет! Одна мразь лагерная осталась!

– Сочувствую, дорогой мой, – подхватила Раиса Мартыновна. – Давайте сделаем по глотку и приступим к конкретным совместным планам.

В глазах ее появился бес. Они чокнулись фужерами, выпили.

– Дорогой мой реформатор! Все складывается как нельзя лучше! Вы будете редчайшим, можно сказать, выдающимся клиентом большого бизнеса, – торжественно, выговаривая каждую букву, произнесла Раиса Мартыновна. – И оплата, как говорится, будет по соглашению.

– За что?! – мрачно поинтересовался Артур Борисович.

– За вашего врага. Точнее, за его милое превращение в редкую вещь. Семь тысяч баксов, и вы получите его в виде вот такой хорошо выделанной шкурки-мумии. – Раиса Мартыновна ткнула пальцем в чучело шимпанзе, висевшее рядом с буфетом. – Вы платите аванс, – и через семь дней произведение искусства – в вашей квартире.

– Неужели это возможно?

– Коль есть спрос, будет и товар. Закон нашего прекрасного рынка. В дальнейшем заключим контракт, а потом и пятилетний проект на изготовление супермумий.

Артур Борисович поежился, и зрачки его глаз стали еще красней.

– Согласен! – твердо сказал он.

Лицо его вспыхнуло и зарделось, как морда у новорожденного таракана.

– Тогда прошу задаток.

– Сколько?

– Две тысячи баксов. И учтите – здесь, как говорится, преуспевающий миллионер эпохи построения нового социализма с капиталистическими манерами.

Она порывисто поднялась из-за стола и осторожно открыла дверь в спальню.

Артур Борисович заглянул туда и перекрестился.

Посреди просторной комнаты на широкой тахте лежал мертвенно-бледный голый человек. Ноги его были покрыты белой простыней.

– Ну как, впечатляет? – с гордостью спросила Раиса Мартыновна. – Дешево отдаю... Ведь я к нему еще к живому привязалась... Лапушка мой! И какой покладистый был: велела принять две таблетки – принял. Столько, сколько надо!

– Этот гад мне по ночам снится! – зло крикнул миллионер.

– Платите аванс, и через семь дней получите нашего манкурта в обработанном виде.

– А раньше нельзя?!

– Таксидермистика – очень кропотливое дело. Но этого клиента я гарантирую обработать на уровне мировых стандартов со всеми особенностями пола и породы.

– Он мертвый? – поинтересовался Артур Борисович, брезгливо разглядывая голое тело. – Его словно кто-то скоблил или царапал.

– А вы что, собираетесь с ним спать? – язвительно заметила Раиса Мартыновна. – Беднягу здорово подкосили мои таблетки. Короче, выкладывайте задаток. Цена с большой скидкой на ваш авторитет и заслуги.

Миллионер вернулся на кухню, вытащил из кейса пачку денег, вытер пот со лба.

– Здесь две тысячи американского производства, и не трудитесь считать, – со вздохом выдал он. – А через неделю получить заказ можно?

– Тогда еще пятьсот баксов.

* * *

Оно, может, так бы и вышло. За эту сумму Иван Иванович превратился бы в чучело, если бы не врожденная его осторожность и таежный ум охотника.

Снотворных таблеток он не пил: нутром чуял – нельзя спать, когда поблизости Артур Борисович. Он лишь притворился спящим и все слышал. «Так вот почему у циркачки столько выделанных шкур! Вот почему столько чучел!» – с грустью размышлял он.

Как только бронированная машина Артура Борисовича уехала, Раиса Мартыновна, не теряя времени, взяла из аптечки шприц и, наполнив его белой жидкостью, подошла к иконе Богородицы. Иконка висела между самодельным ковром из непонятной кожи и шкурой шимпанзе.

– Да простит меня Господь за то, что я сокращаю страдания гибнущим от зла людского, – тихо прошептала она и осторожно прошла по коридору в спальню... и остолбенела: на просторной тахте никого не было. Иван Иванович сидел в дальнем углу комнаты на полу и громко всхлипывал.

– Ты что? – с дрожью в голосе спросила она.

– Сон жуткий приснился, – пробурчал Иван Иванович.

Раиса едва пришла в себя.

– Не переживай, золотой мой... с Артуром Борисовичем все обошлось. Теперь он уже никогда тебя не потревожит. Дай-ка я укольчик тебе сделаю для успокоения.

Но когда она подошла к своему пациенту поближе, он поднял голову и так посмотрел ей в глаза, что она застыла, будто на что-то наткнулась.

– Ты чего, милый? Инспектор покоя не дает или сон?

– Кто тебя создал, такую?! – вдруг сквозь слезы крикнул он.

– Может, ты по мне соскучился? – она положила шприц на стол и, подойдя к Ивану, цепко обхватила его шею руками.

– Не надо, Раиса Мартыновна...

– Милый мой, я люблю тебя, – она потянулась руками ниже пояса и царапнула его тело длинными, как у кошки, ногтями. – И не шуми, а то Миша услышит.

– Нет! Нет! Я не хочу...

– Забыл, что ты убийца? – Раиса Мартыновна начала раздеваться. – Не сердь меня... Тебе необходимо расслабиться. Выпей и ляжем спать.

Она хорошо знала, что нужно делать в подобных ситуациях.

– Оставьте меня, Раиса Мартыновна. Я немножко отдохну и постараюсь заснуть.

Раиса Мартыновна вышла из спальни. В квартире наступила тишина. Иван Иванович не смыкал глаз. Его знобило от жутких мыслей и предчувствий. Он протянул руку к телефону, снял трубку, прислушался. Гудка не было. Посидев, он сунул руку под тахту, куда положил автомат. Автомата не оказалось. В этот момент послышался голос хозяйки дома.

– Орангутан, радость моя, ты не спишь? – громко спросила она, выглянув в прихожую из своей комнаты.

– Нет! – растерянно и зло ответил он.

– Давай сделаем укольчик, и сразу уснешь.

Иван Иванович не ответил. В этот момент он почувствовал, что в спальне стало вдруг жарко, даже душно. Он хотел открыть форточку, но она даже не сдвинулась с места. Духота в комнате увеличивалась, в щель из-под двери тянуло удушливым едким угаром.

– Как ты там, Иван Иванович? – донесся голос хозяйки. – Не спишь еще, дорогой мой, драгоценный экземпляр?

Голова его стала тяжелой, горячей и пустой, как раскаленный шар. Грудь его часто вздымалась, но чем глубже он дышал, тем больше не хватало воздуха. Собрав силы, Иван Иванович метнулся к окну и навалился всем телом на самое большое стекло, выдавив его.

Угасающим сознанием он успел определить, что спасение его там, в ночной темноте. Перевалившись через подоконник второго этажа, он сделал усилие и рухнул во двор.

Где-то вверху грохнули один за другим приглушенные выстрелы, но пули пролетели мимо...

* * *

Около трех месяцев добирался Иван Иванович до своей деревни, и долго описывать, с какими людьми он встречался, где шабашил, чтобы заработать на пропитание и дорогу.

Оборванный, с дикарским заросшим лицом, без денег и каких-либо покупок, предстал он наконец перед своей женой, незабвенной Марией Тимофеевной, обнял ее и покаянно заплакал.

Вскоре Сизарев получил письмо из Москвы, от Раисы Мартыновны. Она писала, что любит его по-прежнему, собирается приехать, привести ружье и порадовать шкурой Артура Борисовича Мордова, которую она собирается обменять на шкуры зверей, пользующихся большим спросом не только у меховщиков застойного периода, но и у западных инвесторов.

«... Без тебя, мой дорогой таежник, мне очень грустно. И все же не забудь передать привет твоей супруге Марье Тимофеевне». Так заканчивалось письмо.

Прочитав его, Иван Иванович глазам не поверил. Шрамы от Москвы еще не зарубцевались, и поседевшая голова разламывалась при одной мысли о циркачке. После московских «университетов» он стал неуравновешенным, замкнутым. Особенно его раздражали бизнесмены, которые по телеящику сулили райские наслаждения и тысячу процентов годовых.

«Я им покажу свободный рынок! – вскрикивал он по ночам. – Всех дармоедов работать заставлю!» А просыпаясь, скрипел зубами: автомата рядом не было.

Он хотел пойти с письмом Раисы Мартыновны к прокурору, но передумал и даже жене не сообщил о приезде столичной гостьи.

Ваучер примчалась, как приведение. На дворе стоял сильный мороз, и в деревне пахло печным дымом, смолой. Новенький «джип» и БМВ подкатили к самому жилью Ивана Ивановича. Было за полночь.

– Иван Иванович! Радость моя дикорастущая! – раздался голос Раисы Мартыновны. – Мороз на дворе, открывай дверь!

Иван Иванович прикрутил к сигнальной ракетнице трубку и, открыв дверь, оторопел. Кроме циркачки, на крыльце стояли еще двое: «покойный» охранник Мордова с большим мешком и его напарник с чехлом для гитары.

– Принимай гостей, дорогой мой, – кокетливо улыбалась Раиса Мартыновна. – Как видишь, охранник – кстати, познакомьтесь, его зовут Рольмопсов. Да не смотри на него так. Кто прошлое вспомнит – тому глаз вон. Где хозяйка? Мы ей тоже кое-что привезли.

– У Марьи Тимофеевны сердечный приступ... Она в больнице.

– Значит, ты вольный казак? Она чмокнула его прямо в губы.

– Не совсем так, – смущенно возразил Иван Иванович. – Мы телку купили.

Гости громко расхохотались и осторожно внесли в дом сначала большой мешок, потом чехол для гитары.

– Стол накрывай, Ваня, – радостно предложила циркачка. – С красной рыбой, лесным медом, брусникой... Великого человека поминать будем... Великого, хотя и дурного.

– Кого это?

– Артура Борисовича Мордова, выдающегося реформатора России. Нынче Москва в трауре. Четыре казино закрылись. Красные фонари тухнут. «Золото, уран, нефть» теперь не банк. Богатейший человек был, рог в его душу!

– А вы что, в бедности живете? – робко возразил Сизарев.

– У меня, дорогой мой, честный бизнес. Товар свой я никому не навязываю. Ты не дури, эскимос! Мы тебе автомат привезли, ваучеры прямо из банка, американского спирта двойной очистки, денег на новый дом...

– Довольно! Хватит!

– Не кричи, манкурт! Рольмопсов теперь на меня работает... Его и зовут теперь иначе. Будь любезен пожать ему руку. Короче, знакомьтесь – это Борис Николаевич Зомби, по кличке Бенья. А это – молодой бизнесмен Иван Иванович Сизарев.

Бенья первым протянул руку.

– Забудем обиды, господин Сизарев, – процедил он, – впереди у нас неплохое будущее, поэтому не надо стрелять друг в друга.

Иван Иванович молча протянул руку.

– А этого бывшего кремлевского зубра, – продолжала Раиса Мартыновна, – зовут, как и моего утенка, Тимуром, отчество Базарович, кличка – Сытый. Тимочка, помоги, пожалуйста, Бене развязать мешок... Пусть покойник на лавке полежит. Чучело должно подсохнуть.

Иван Иванович неторопливо накрывал на стол: нарезал красной рыбы, положил на блюдо морошки, брусники, меда лесного...

Но когда увидел мумию Мордова, тарелка выпала из его рук, дух сперло, и жуткий крик вырвался из его груди.

– Боже мой! Боже мой! – взмолился он. – Артур Борисович, как же вас окаянный рынок скрутил?! Раиса Мартыновна, он уже не человек, он словно леший перестроечный! Мне, бывшему охотнику, смотреть на него страшно.

– А ты на кого похож, алкоголик несчастный?! – в голосе Раисы Мартыновны послышалось что-то грозное, злое. – Мордов даже забальзамированный не на одну тысячу долларов потянет... Особенно на мировом рынке. Что Москва! Весь мир в трауре: еще один реформатор таксидермирован. И без пушек, без баррикад... А ведь он, зараза, сначала в структурах ВВД конспирировался, потом в КРБ, а потом уж просто в БМВ, где мы его и накрыли...

Циркачка, никого на смущаясь, быстро переделалась и стала похожа на королеву рекламных клипов «баунти» и других кокосовых лакомств.

– Милые мои, – с улыбкой обратилась она к своим телохранителям. – Сегодня я буду спать только с Иваном Ивановичем. – Она еще раз поцеловала его. – Дорогой мой, хорошо, что ты уцелел. Я бы с ума сошла без тебя. – Она вытащила из дорожной сумки две бутылки с шампанским, поставила на стол. – Помянем Мордова и бай-бай...

– Может, лучше снотворного принять? – вырвалось у Ивана.

– Милый, не сердь меня. О прошлом молчок, и этот «жвачный» больше не угроза тебе, – она указала на чучело. – Хочешь, подарю его в день твоего рождения? Не хочешь? Жаль, редкий, дорогой подарок... Господа, раскупоривайте шампанское. Ну-ну, Иван, не грусти. Ты сегодня бледный. Может, тебе «Сибирской» налить? И тебе, Тимурчик, налью. Но только один стаканчик. Не забыл, куда завтра идешь?

– А куда? – поинтересовался Иван.

– В морг. Гляди в оба, Тимур, выбирай только крупных, местных, белолицых. Черномазых карликов в Москве хватает. Ну, помянем раба...

Все выпили, и тут Иван замер и выронил из рук вилку. Ему вдруг показалось, что забальзамированный Мордов словно потянулся к столу.

– Глядите! Глядите! – не выдержав, закричал Иван. – Покойник к столу лезет!

– А куда он еще может лезть? – с улыбкой подметила циркачка. – Он всегда лез к столу, к власти да к бабе без лифчика! Куда еще может лезть эта скотина в накрахмаленной рубашке? Наглая, как банк Шарикова.

Она плеснула шампанского в сторону Мордова, и его стеклянные глаза неожиданно зашевелились.

Иван Иванович вздрогнул, отшатнулся от чучела. Попутчики циркачки тоже были удивлены.

– Боже мой! – взмолился Сизарев. – Неужели мне показалось?! Ведь у него глаза, словно живые и даже очень знакомые! Где я видел их?! Это не Мордовские глаза! Вспомнить не могу, чьи?

Циркачка расхохоталась.

– Эти глаза я купила в престижной конторе лет пятнадцать назад, – с улыбкой сказала она, откусив кусок «Сникерса», – из-под полы и очень дорого. Они намного старше мумии. А вот чьи они, вам, господа хорошие, навряд ли угодать! Но я дам небольшую подсказку. Помните многосерийный фильм «Семьдесят четыре мига осени»? Он сотруничал с партийными экранизаторами из самых высоких дач, так сказать, писателями криминальной, простите, кремлевской верхушки. Сейчас они миллионами ворочают.

– Людей?! – не понял Иван Иванович.

– Нет... – задумчиво возразила Раиса Мартыновна, – отпечатанными бумажками. Но их цель – научиться распоряжаться живыми людьми так же, как выделанными, или так же, как баксами или нашими зелеными бумажками.

– Но ведь живые люди не бумажки! – не выдержав, возмутился Иван Иванович.

– Быдло! – брезгливо отрезала Раиса Мартыновна. – Сытый прав, надо использовать их как дешевых рабов!

– Раиса Мартыновна, – обрадовался Сытый. – Мы начинаем понимать друг друга. Ваши мумифицированные тушки из московских миллионеров становятся шедеврами. Не торопитесь продавать золотой запас. Скоро акции их обесценятся, а на тушки спрос увеличится! Впрочем, я уже догадался, чьи это глаза.

– Они словно живые... – опять простонал Иван Иванович.

– А что им сделается? Такие глаза, да и мозги, будут жить еще долго... – брезгливо подметила циркачка. – Власть быстро меняется, гены – медленно...

* * *

Уже была съедена семга, похожая на красного поросенка, и выпита не одна бутылка шампанского, как в дверь постучались. Сизарев пошел открывать, но Ваучер остановила его.

– Спрячь чучело, – строго приказала она. Мумию положили обратно в мешок и сунули за печку. Иван Иванович подошел к двери предбанника, спросил:

– Кто там?

– Это я, Петя Рыжов.

– Чего надо, Петя?

– Проезжал мимо... Вижу у твоего сарая две импортные машины, решил зайти.

– Сейчас, Петя, – Сизарев вернулся из предбанника. – Раиса Мартыновна, к нам мясной производитель пожаловал.

– Кто такой?

– Лосятник местный... Браконьер в законе... Снайпер по лесному мясу.

– Впусти.

На пороге появилось существо, очень отдаленно похожее на человека. Это был крупный мужик с дикими глазами и красным лицом, как лошалая семга.

– Знакомиться будем? – буркнул он, и лицо его заиграло множеством ярко-рыжих веснушек.

– Кобель рыжий, откуда ты?! Ха-ха! Красавец, да у тебя шея толще, чем у Шварценеггера. Раздевайся, садись рядом, я тебе «Сибирской» налью.

Рыжов как будто ждал этого.

Раиса Мартыновна, пока он раздевался, достала из-под лифчика маленький пузырек и плеснула в стакан гостю розовой микстуры.

– Бень, налей! «Сибирской» драгоценному лосятнику... Буду рада познакомиться с добытчиком, но прежде, Иван Иванович, можно вас на минутку...

Сизарев и Ваучер вышли в предбанник.

– Иван Иванович, – почти прошептала Раиса Мартыновна, – вы, наверное, догадались, почему мы втроем приехали? Короче, на этом животном мы заработаем не одну тысячу долларов.

– На каком животном?

– На госте вашем.

– На Пете Рыжове?

– Ну да... Для деревни он – обычный мерзавец, браконьер в законе, а для нас – находка. Ивана передернуло.

– Раиса Мартыновна, – растерянно возразил он, – я вам не указ, но Рыжова весь район знает... Он древнего рода, у него трое детей, жена, мать, и потом, он на «Буране» приехал.

– «Буран» мы быстро ликвидируем: металл в стружку, шины переплавим. У нас полный сервис. Ну ладно, пойдем в комнату... Я со своими посоветуюсь.

Поминки превратились в праздничное пиршество. Россия всегда славилась пьянством во время чумы.

– Иван Иванович, радость моя драгоценная, – зашебетала циркачка. – А ведь дружок ваш ни в чем вам не уступит! Ох и выпьем мы как следует, позабудемся! У нас вся ночь впереди.

– В шесть утра, уважаемая, мне корову кормить, – вежливо возразил лосятник.

– До шести успеем...

– Чего успеем? Я вас не понял, гражданочка.

– Не притворяйся, кобелек! Ты мне очень нравишься. Ты знаешь, кто я?

– Нет.

– Потом узнаешь... Короче, я хочу, чтобы ты вместе с орангутаном развлек меня.

– С каким орангутаном?

– С твоим земляком.

– А-а-а, с Иваном, что ли?

– Ну, да...

– Как развлек?

– Очень просто, и самым натуральным образом. Ты что, не мужик?

– Прямо здесь? А как же попутчики ваши?

– А они у меня вроде худсоветов будут!

– Раиса Мартыновна, – вмешался в разговор Си-зарев. – Можно мне с Петей перекурить?

Они вышли в предбанник, Иван Иванович умолял своего земляка ехать домой, но тот уже изрядно опьянел и под воздействием розовой микстуры желал только пить и развлекаться.

– Моя Танька капустой пахнет квашеной, а от этой заразы так и веет, так и веет кокосами и сникерсами. А ноги у нее?! Как у сохатого! А грудь – глухарь позавидует.

Сизарев понял, что земляка не убедишь, и, махнув одной рукой, другой перекрестился.

– Хочу выпить за вас, красавица, – с пьяным форсом провозгласил Рыжов, войдя в теплое помещение.

– Хватит пить, дорогой. Давай раздевайся.

– Так сразу...

– А как же, ненаглядный мой?..

– Но ведь вы, пардон, при кавалерах...

– Рыжий, не испытывай моего терпения. Господа! – на этот раз властным тоном приказала Раиса Мартыновна. – Снимаем только по одному дублю. Поэтому принесите все необходимое: лучшую камеру, стойку, шприцы, крем для кожи.

– Раи-и-чка, пойдем в машину... – Рыжов отяжелел не на шутку.

– Там холодно, дорогой мой...

– Я согрею тебя...

– Ты лучше здесь мои ножки согрей, видишь, как они дрожат? – циркачка ловко сбросила с себя трико цвета розовой микстуры, и по избе, как по сигналу, разлилась легкая музыка.

Профессионалка начала с танца живота. Верхняя часть ее тела прикрывала белоснежная майка, а нижняя, удивительно стройная, мускулистая, словно задние ноги породистого жеребца, была голой.

Лосятник не выдержал, стал раздеваться.

– Ну, вот, давно бы так, – обрадовалась Раиса Мартыновна. – С общего плана переходим на укрупнение и снимаем все детали.

– А у меня их всего две, – мало что соображая, бубнил Рыжов и не замедлил снять сначала ватные брюки, потом теплые трусы. – Раи-и-чка, а можно свет выключить?

– Не, дорогая горилла, в темноте я не найду тебя.

Извиваясь в танце, циркачка совсем близко подошла к лосятнику и вдруг, обхватив своими длинными ногами его веснушчатые конечности, застыла на мгновение и потянула к себе.

Лосятник не выдержал и тоже потянулся к циркачке, стараясь как можно плотней приблизиться к ее телу. Но циркачка вовремя ускользнула из его рук, ловко «держала расстояние».

Наконец, когда гость, теряя рассудок, расщипал и начал своими ручищами цеплять Раису Мартыновну за волосы, наматывая их на кулак, антуражные съемки пришлось прекратить и перейти к детальным укрупнениям. Для этого лосятника привязали к лавке, а циркачка, при помощи приготовленных шприцев, вздула свои груди до мировых стандартов.

Иван Иванович не знал, куда деться и благодарил Бога, что о нем все забыли. Судя по тому, что ничего не происходило, а лишь изображалось, он понял, что вся эта порнуха станет просто видеоприложением при торговле мумифицированным лосятником.

После нескольких дублей циркачка порозовела, как возбуждающая микстура, и послала подручных за новым снадобьем.

Достав халат из роскошного кожаного «дипломата», она надела его на голое тело и устало опустилась на лавку.

– Ну как, Иван Иванович, я очень вам нравлюсь? Сизарев окаменело молчал, опустив глаза в стакан с водкой.

– Дорогой мой, это моя работа.

– Я никогда не пойму вас, Раиса Мартыновна!

– А ты постарайся... Я тоже долго не могла понять, почему убийцы всегда живут намного богаче умных, честных людей.

– Но ведь сколько веревочка ни вьется...

– Помолчи-ка, орангутан! Или ты из примерных пионеров?.. Шучу, шучу, Иван Иванович. Просто мне охота, чтобы вы были богаты, образованы и разбирались не только в ружьях и медвежьей желчи, но и в людях. Хочу работать с вами.

– В цирковом номере?

– Обрадовался... Это не главное... Прежде всего – заниматься чучелами и при этом обеспечивать товаром моих клиентов, которые нуждаются в трансплантации весьма ценных органов. Теперь-то вы от меня никуда не денетесь.

– Почему вы так считаете?

– Потому что, дорогой Иван Иванович, я жду от вас ребенка.

Сизарев только крякнул, зажмурился, потом поспешно налил в стакан «десять буль-буль», выпил и опять опустил глаза.

– Если будет мальчик, – продолжала циркачка, – назову его Валентином, если девочка – Валя. Нравится мне это имя.

Сизарев вновь потянулся к бутылке, но она отодвинула ее в сторону.

– Орангутан, не надо! Ты не Мордов и не лосятник... Я тебя люблю! Я ведь все-таки приперлась к тебе за тыщу верст! Ценить надо!

Иван Иванович молчал, растерянно поглядывая на мешок с Мордовым и на обезвреженного лосятника.

– Раиса Мартыновна, чего вы хотите от меня?

– Чтобы ты всегда был рядом. Любить себя не заставишь, но быть рядом с богатой красивой женщиной, по-моему, всегда приятно.

– Вы правы, Раиса Мартыновна, но у меня уже есть жена.

– Дурак ты, хоть и прекрасный мужик. Я тебе что, жить с Марьей Тимофеевной запрещаю? Употребляй ее на здоровье... Все условия создам... Только я тебя тоже люблю.

– А как же совесть?!

– Когда бы совесть кормила, так у нас на Руси давно бы нищих не было.

Она подвинулась к нему, обняла его за плечи и поцеловала в губы.

– Орангутан... Люблю... Ты мой единственный.

– Экземпляр, – неожиданно вырвалось у него, и он тут же получил сильную пощечину.

– Не смей так говорить! Я тебя от тюрьмы спасла!
– А кто мне снотворные таблетки дал?!
– Мордов ни за что бы не раскошелится, если б не застал тебя спящим.
– А кто хотел сделать мне укол, а потом отравить газом?
– Дорогой, мне хотелось вылечить, снять с тебя стресс!
– А когда ничего не вышло – расстрелять из окна... Хорошее лечение...
– Орангутан, успокойся. Это не я стреляла.
– А кто же?
– Охранник мой, с третьего этажа, которому я плачу тридцать долларов в сутки. А за то, что промазал, я заплатила сто долларов.

– Вот спасибо, Раиса Мартыновна! – усмехнулся Иван. – Значит, благодаря именно вам я сижу в своей бане, жив-здоров и пью чай с брусникой.

– Не ерничай!

– А вы не считайте меня идиотом!

– Никто не считает. Ты думаешь, мне легко было обломать этого паука-Мордова, а потом переманить его кремлевских жвачных в свою контору? – она, не обращая внимания на слетевший с тела халат, подошла к чучелу и, распрямив его, вытряхнула несколько пачек новеньких купюр. – Это все твое, орангутан, только поверь мне, я не хотела твоей смерти... Ты мне живой нужен. – Она судорожными и скользкими от крема руками сгребла часть денег в охапку и, бросив их в печку, еще раз поцеловала его. – Я хочу быть с тобой! Делай со мной, что хочешь, только будь моим! – она опять потянула его на себя. Это она делала прекрасно.

Иван Иванович уже знал обворожительный, всеобжигающий запах этого тела и, как в Москве, противостоять соблазну был не в силах.

Откуда появилась музыка – он не понял. Но в этот раз он вдруг почувствовал, как циркачка нетороплива, даже робка в своих профессиональных движениях и, оказавшись в ее объятиях, ему совсем не было противно. Сквозь звуки музыки он неожиданно услышал молитву, которую она нашептывала, обхватив его обеими руками и прижимаясь к нему всем телом. Молитва была из Ветхого Завета и просила об одном – спасении человечества. Иван Иванович уже слышал ее не раз, правда, при других обстоятельствах, но только сейчас до него стал доходить ее глубинный смысл.

Уже светало, когда к баньке Сизарева подъехала еще одна машина. Из нее вышел колесный, разругавшийся мужчина.

Сизарев глянул в окно.

– Чего это его черт несет, да еще чуть свет, – поморщился он. – Наш животновод теперь директор АО «Перестройка», господин Еремей Долбарис.

Раздался сильный стук в дверь.

– Ну, чего делать будем? – спросил Иван Иванович.

Набросив персидский халат и надев колготки, циркачка обратилась к своему единственному приказным тоном:

– Миллионера да лосятника уברי за печку – и впускай. И не дрейфь. Со мной не пропадешь.

Долбарис вошел, как игривый конь постукивая железными копытами. На лице его застыла улыбка, заготовленная на все случаи жизни. Под его кожаным меховым пальто был надет кажанный пиджак, а под ним – все это знали – американский бронежилет. Такого, как он, на мякине не проведешь. И хотя Еремей не был официальным главой района и за ним не ходили охранники, но каждый в округе, да и за пределами, знал, что именно Долбарис – хозяин, а не тот, которого подсунил местный парламент охмелевшему от свободы народу.

Циркачка и животновод разглядывали друг друга долго и пристально, как два квалифицированных разведчика враждующих государств. Каждый из разведчиков был вооружен до зубов и подкреплен православными идеями.

– Боров! – неожиданно воскликнула Раиса Мартыновна, не выдержав пристального взгляда. Российский боров на арабском аукционе! Ха-ха!

– Простите, не понял? – не убирая улыбку, спросил Еремей и протянул руку для знакомства. – Моя фамилия Долбарис, и арабские аукционы я презираю.

– Фамилия, не только в Москве известная, но и за бугром.

– А вы – Раиса Мартыновна!

«Боров» продолжал пристально разглядывать циркачку, а потом вдруг прошептал, как райский соловей:

– Дорогая... вы прелесть. Можно мне поцеловать вашу искусную ручку?

– Бросте придуриваться, Еремей, – лениво ответила Раиса, но ручку с драгоценными камушками все-таки протянула. – Раздевайся да попросту садись к столу. Выпьем да закусим, ежели, конечно, у тебя все внутренности в норме – желудок, почки, селезенка.

– Успокойтесь, мадам, мои органы соответствуют мировым запросам, – нисколько не теряясь, ответил Долбарис.

– Ну и прелестно. Товар должен быть всегда кондиционным, – замешкалась Раиса.

– Верно, – согласился Еремей. – Вот еще надо разобраться, кто здесь товар.

– Тогда давай для начала выпьем шампанского и послушаем музыку.

На этих сигнальных фразах Бенья и Тимур уже раз-чехлили видеокамеру.

Приготовились к съемкам.

– Дорогая, я очень люблю шампанское, но сейчас работа не позволяет.

– Какая же у тебя работа, животновод? Ведь не на зарплату живешь?

– Стучу! И крепко... – он опять постучал, только уже не железными копытами, а в грудь, и ловко сбросил с себя кожаное пальто. – И раньше умел стучать, и теперь. Дай-ка, прелестное создание, паспорт твой, а еще командировочное удостоверение.

– Это зачем?

– Клади на стол и помалкивай! – и, показав на свой карман, добавил. – Документы на твоих подручных уже здесь!

Иван Иванович машинально полез в свои карманы, но Долбарис остановил его.

– Ты, Сизарев, меня не интересуешь. Кстати, Иван Иванович, ты бы вышел во двор, а то нам поговорить надо с глазу на глаз. Может, пока дров поколешь? В баньке холодновато.

Сизарев, словно снег, растаял.

– Слушай, животновод, – не выдержала циркачка. – Сколько тебе отстегнуть, чтобы ты отстал и подумал о своем будущем?

Владыка района задумался.

В этот момент бесшумно вышел из бани один из кремлевских жвачных Раисы. Вид у него был понурый, по-видимому, он переживал свою оплошность с документами.

Другой жвачный зомби-Рольмопсов, оценив ситуацию, был невозмутим.

– Что это вы, Раиса Мартыновна, чикаетесь с этим клиентом? Дайте распоряжение, и мы его для чучела обработаем или подготовим для трансплантации...

– Спокойно, господа! – перебил его Долбарис. – Вас направили сюда работать под моим руководством! Понятно? В противном случае мне придется вас наказать. – Он неожиданно вытащил из кожаного пиджака золотой шар и положил на стол. Шар был точно такой же, как у Раисы Мартыновны и ее шефа.

Циркачка сразу побледнела, отшатнулась сначала к мешку с мумией Мордова, потом к окну, на подоконнике которого лежали шприцы, и жуткое безмолвие повисло в помещении.

– Одевайтесь, мадам! – властно скомандовал Еремей. – Поедем в мою контору...

Он взял со стола золотой шар и постучал им по столу.

– А здесь нельзя разобраться? – растерянно поинтересовалась Раиса Мартыновна.

– Ни в коем случае! – с улыбкой ответил Долбарис. – Я человек суеверный, а здесь, судя по всему, уже имеется покойник...

Он покосился на печку.

– Очень жаль, что вы действуете без инструкции и приказа сверху. В центре теперь тоже наши люди. Кстати, слышали новость?

– Какую?

– Самый выдающийся реформатор России как в воду канул...

– Имеете в виду Артура Борисовича?

– Вот именно – имею в виду.

Губы Раисы Мартыновны дрожали, лицо покрылось белыми пятнами.

Долбарис поднялся из-за стола и, держа в руках золотой шар, подошел к половику за печкой.

– Извините, господин Долбарис, промашка вышла: там местный лосятник. Он уже полу-фабрикат... – шепотом выдавила Раиса Мартыновна.

– Так и знал. Приехали сломя голову. Ни сознательности, ни дисциплины. Все наскоро, тяп-ляп. Жаль, господа, но я вынужден доложить шефу.

– Не делайте этого, Еремей! Не знаю, как вас по батюшке?

– Еремеич, уважаемая... Но от этого мне не легче.

– Поймите, Еремей Еремеич, мы напали на золотую жилу. Пьянство здесь жуткое, развал духа и тела...

Люди, кроме угроз, от властей и начальства ничего не имеют. Думали попользоваться этим...

– Как?

– Очень просто... Отовариться дней за десять – и отвал.

Долбарис помрачнел. Холодный пот покрыл его перестроенное лицо.

– Свою долю вы получите, – успокаивала его циркачка, – о покойниках вам не придется волноваться. Мы их быстро в валюту обращаем.

Раиса Мартыновна закурила.

Долбарис, почесав в затылке, повертел в руках золотой шар, сунул в карман.

– Логично и даже заманчиво, – спокойно сказал он. – И сколько же вы намереваетесь отстегнуть за каждого аборигена?

– Условия ваши.

– В рублях или в валюте?

– Как захотите.

– В зеленых, – твердо сказал Долбарис. – Но учтите, иду на нарушения. В договоре ясно сказано – все работы только с согласия шефа. Если б не ваш талант, особенно в кинопродукции, – у нас с вашим участием она нарасхват, – я бы и разговаривать не стал. Дорогая, поедем ко мне! – Еремей вновь выдавил на лице улыбку и в этот момент был очень похож на президента одного из обнищавших государств.

– Сначала давайте выпьем, – вкрадчиво предложила Лариса. – Я не откажусь.

Долбарис был натурой весьма неординарной. С юных лет он превосходно «стучал», умело налаживал и использовал связи, менял жен и любовниц, как драгоценные реликвии, взамен получал повышение по службе, но больше всего он любил выступать в парламенте и голосовать. Голосовать то за одного, то за другого, то за третьего, чтобы все оставить на земле так, как хотелось ему.

«Какая прелесть – эти бесконечные выборы! – радовался он. – Сегодня на одного „стучишь“, завтра на другого». Умел он, обладая феноменальной памятью, рассчитать не только

на много ходов вперед, но и вычислить доход. Долбарис с успехом закончил учебу в школе восточных единоборств и с пеной у рта мог хвастаться самым отборным огнестрельным оружием, потому что в этой сфере предлагал свои нанотехнологии.

Одним словом, он был тем, кто появляется всегда в нужном месте и в нужное время, любил говорить о себе, что он субъект без затей и без совести. Но самоуправства, без указаний шефа, он действительно не любил. Жил он всегда в неге и холе, ну а в наши дни деньгам и вовсе счет потерял.

Вскоре Долбарис и Ваучер подкатили на «Ниве» к добротному двухэтажному особняку серебристо-белого цвета. Раньше дом был коричневым, но Еремей быстрее всех перекрасил колерку и с распростертыми объятиями принял новую власть: сельсовет окрестил административным центром, а совхоз – в шутку, конечно, – товариществом расхитителей и алкоголиков без ограниченной ответственности.

– А где же мои друзья? Где дорогой мой орангутан?

– Это вы так Ивана Ивановича величаете? – распахивая калитку перед домом, спросил Долбарис. – Недурственно, но на мой вкус, несколько прямолинейно.

Показывая гостиную, Еремей с гордостью сказал:

– Здесь мое ангельское пристанище. Тут вы можете отведать и «Анкл Бенс», и «Баунти», и прочие райские наслаждения. Рядом столовая, дальше ванная и кайфушник с цветомузыкой. Включить?

И полилась ритмичная музыка, разгоняющая кровь и охлаждающая душу.

Сбросив норковую шубу, таксидермистка буквально влетела в райские наслаждения.

И вскоре новые друзья уже беседовали за столом, переполненным зарубежными и отечественными яствами и лучшими винами.

Оглядывая интерьер квартиры, профессионалка с интересом отнеслась к нескольким чучелам животных, среди которых были экземпляры удивительных человекообразных с других континентов.

– Это цветочки, – заметив интерес гостыи, с ухмылкой превосходства похвастался Долбарис. – У меня есть то, о чем шеф только мечтает.

– Что ж это такое?

– Пусть будет маленькая тайна...

– И все-таки...

– Так вам все и расскажи... Не забывайте, мадам, что вы – нарушитель договора и, согласно инструкции, я обязан вас наказать.

– Наказать. Я согласна. Но сначала выпьем и потанцуем.

– Краковяк.

– Почему краковяк?

– Может, мазурку? Дорогая моя, давайте ближе к делу. Я не мальчик, и вы не девочка. У вас свои секреты – у меня свои. У вас свой счет в швейцарском банке, у меня свой. Будем начистоту: я вам нравлюсь?

– Очень.

– Тем лучше.

Они выпили по бокалу, закусили.

– Итак, уважаемая, – Еремей щелкнул пальцами по столу. – Сколько я получу за каждого аборигена?

– Вот так сразу «быка за рога»?!

– Да, вот так сразу! Я не халявщик и не презираю А.О. НИН! И перестройку цену за фиолетовые перестроечные дела.

– Что вы нервничаете! Я выделю вам подушную оплату, а душами буду распоряжаться сама... Захочу – выставлю на аукцион, захочу – пушу их на трансплантацию.

– Спокойно, Раиса Мартыновна, – Долбарис нахмурился. – Никакой подушной оплаты! Вы меня поняли? Вам двадцать процентов, остальные мне. Не устраивает?! Так я сам сделаю из вас «куклу».

– Чего?!

– И думаю, мой шеф будет страшно рад такому наказанию. Героиня видаков, цирковая и кинематографическая звезда, известная таксидермистка в своей последней ипостаси!

– Хватит! – не выдержала Раиса Мартыновна. – Сколько вы хотите за одну душу?

– Три тысячи зеленых! И не больше четырех аборигенов из каждой деревни.

– Вы с ума сошли! Это цена солидного депутата с гуманитарным образованием. А вы за одного алкоголика-неандертальца с мерзкой печенью требуете то же самое. Да у нас известные писатели, эстрадные артисты дешевле!

– Ладно, так и быть... Не могу подавить тягу к вам и к вашему киноискусству. Сойдемся на двух с половиной.

– Оставьте меня в покое, господин Долбарис. От этих цифр у меня голова кружится.

– А как же быть с нашей взаимностью?

– Не знаю, не знаю. Я себя мерзко чувствую.

– А я себя превосходно! – Он вплотную подошел к циркачке и крепко обхватил ее тренированное тело. – Так, либо две тысячи – учтите, цена окончательная – за каждого красавца, или я отутюживаю вас и превращаю в элегантную куклу Барби.

Раиса Мартыновна вздрогнула, отшатнулась, но Долбарис сжал ее тело еще плотней.

– Я в восторге от ваших эротических фильмов, – вдруг вкрадчиво сказал он. – А в вашем исполнении песня «Султаман» – история нашей культуры. Восточные аранжировки сильно развивают мышцы любви и неги.

– Нет-нет! Уберите руки.

Циркачка пыталась выскользнуть из объятий, но Долбарис уже действовал по отработанному плану.

– Я не собираюсь спать с вами, дорогая моя Барби! Вы будете самой драгоценной куклой в мире! Вот только над архитектурой мавзолея для вас придется поработать без выходных.

– Отпустите меня, маньяк!

– Кричите сколько угодно, прелесть моя. Еще ни одна кукла не уходила отсюда живьем! – Долбарис сорвал с Раисы Мартыновны одежду и застыл в оцепенении. – Ого! Да вы гораздо лучше, чем в своих кинофестивальных боевиках. А нижний этаж просто прелесть! Мечта любого орангутана.

– Умоляю! Я согласна на две зеленых за душу!

– Теперь я не согласен. Я создам шедевр! В моих руках золото и бессмертие! Ваше клевое изваяние войдет в историю лучших мумий.

– Вы садист! – опять взмолилась Раиса Мартыновна.

– А вы кто, прелесть моя? – прошипел он, сжимая циркачку одной рукой, а другой пытаясь раздеться. – Не успели приехать – и уже лучшего лосятника оприходовали.

И тут Раису Мартыновну осенила идея, которая переломала весь ход дальнейших событий.

– Увы, господин Долбарис, вам уже не придется порадовать шефа своим садизмом! К сожалению или к радости, но кукла Барби, сделанная из меня, не произведет на него впечатления, – сказала она и вдруг замолчала со слезами в глазах.

И Долбарис, на что и рассчитывала Раиса, сразу уловил скрытую угрозу в ее интонации.

– Он, что, неужели и он покровительствует вам? – раздраженно спросил Долбарис. – Неужели порно действует, как манифест безумцев?

– Нет, дорогой мой. Просто его уже нету, вашего шефа. На его месте уже другой, – голос Раисы стал еще уверенней, когда она заметила в лице Долбариса легкое замешательство. –

И я имею честь быть представителем его конторы. Так что в нашей фирме действует новый знак, и шар золотой теперь фуфло! Спустите его в свой антикварный унитаз! – Раиса дрожащими нервными движениями вытащила из своей замшевой сумочки кубик – это был бриллиант чистой воды.

Долбарис в недоумении замер. Мелкие капли пота покрыли его лицо.

– Конечно, – задумчиво сказала циркачка, – по сути дела, это я должна была вас наказать...

– А куда же делся наш прежний? – удивленно спросил Еремей.

– Слиял. За бугор... Видимо, счет его в банке достиг потолка.

– А новый? – Еремей глотнул коньяка.

– Вот это вы верно сделали. Налейте и мне, – попросила Раиса и стала осторожно одеваться.

– Ну, говорите же...

– С новым беда натуральная. То есть не с ним, а с любимцем прежнего шефа – нашим великим реформатором Мордовым. По приказу нового мне пришлось своими руками сделать из него...

– Ну, что же вы замолчали?

– Чучело... – со вздохом сказала Раиса. – Прискорбно, но факт. Можете убедиться самостоятельно... Он нынче покоится далеко от Москвы... – Циркачка опять вздохнула и выпила рюмку коньяка.

– Да где же он, черт возьми? Или у вас после такого пакостного дела язык отсох?!

– Да здесь он, в имениях ваших, в баньке у Вани Сизарева.

Долбарис сразу неохотно и неумолимо начал трезветь, задумался.

– Согласитесь, дорогой мой, что это не малая услуга с моей стороны. Привезти в такую дыру столь редкий экземпляр – многого стоит. Но я ведь знала уже, от своих кремлевских, вашу страсть к антиквариату. Сколько отстегнете, дорогой мой? Учтите, если цена нас не устроит, нам таможня не указ... В Европе реализуем.

Долбарис вновь задумался и сделал глоток из бокала Раисы Мартыновны.

– Чучело, конечно, редчайшее и вы редкая куколка, а как быть с реформами, с перестройкой? – шепотом спросил он, словно о тайном заговоре.

– Да вы у нас, оказывается, романтик? – неожиданно расхохоталась Раиса. – Дон Кихот!

– Уму непостижимо! – Долбарис выпил еще и вдруг поднялся из-за стола и заговорил громко, разбавляя возмущение нецензурной бранью и междометиями. – Талантливейший практик, за которого я голосовал на всех выборах, защитник предпринимательской идеи и вдруг – чучело!!! А кто позаботился?! Свои же! И мне – борцу за процветание – купить предлагают! Сойду с ума! Застрелюсь!

– Успокойтесь, дорогой мой... – вкрадчиво сказала циркачка и, помолчав немного, кокетливо поинтересовалась. – Так за сколько вы возьмете нашего бессмертного реформатора?

– Не знаю, не знаю, – мрачно ответил Долбарис, надевая поверх сорочки бронжилет. – Надо смотреть. Язык не поворачивается сказать – товар.

– Еще какой товар! – сразу подхватила Раиса. – В хороших руках даже забальзамированный лидер – это клад! Мысли-то его не бальзамируются, а идеи, связанные с перестройкой России, и тем более...

– Одно утешение, – согласился Еремей. – Едем, дорогая моя, смотреть, едем! Мумия великого россиянина – это вам не кукла с африканского аукциона со жвачкой во рту!

* * *

Долбарис даже крикнул от удивления, увидев своего кумира и великого приватизатора в натуральную величину, в том же галстуке и голубой сорочке, в которых он выступал по телевидению и в бесчисленных образовательных и благотворительных программах.

– Ангел мой, – процедил он сквозь зубы. – Хотел я с тобой в другой обстановке встретиться, но Бог не дал.

Еремей разделся до бронежилета и подошел к чучелу.

– На кого же ты покинул нас, Артур Борисович?! Долбарис не замечал ничего вокруг: ни подручных Раисы, ни ее, ни Сизарева.

Он даже не обратил внимания, как мумия повернулась на бок и качнула несколько раз головой в сторону Раисы Мартыновны. Но Иван Иванович, сидевший за столом в углу, все видел, и, несмотря на хмель, жуткий крик вырвался из его груди:

– Смотрите! Чучело опять шевелится!

– Замолчи, идиот! – обрушился на него Долбарис. – Ты знаешь, кто это?

Иван растерянно кивнул головой.

– Тогда встань и почти его память молчанием.

– Я из-за него уже четвертый месяц молчу...

– Не сердитесь на него, дорогой Еремей Еремеевич, – вмешалась в разговор циркачка. – Это ведь он помогал обрабатывать Мордова и сильно пострадал за него.

Все молча встали.

– Так сколько вы отстегнете? – нарушила молчание Раиса.

– Двадцать тысяч. Сами знаете, какими. Хотя ему цены нет. Я бы его в мавзолей поместил из мрамора, но прежний шеф сам туда метит, да и новый, наверняка, не откажется.

– Ну что ж, дорогой мой, учитывая ваше положение, можете аборигенами рассчитываться, – лукаво предложила циркачка.

– Ладно. Возьмите двадцать душ из моей усадьбы, – раздраженно сказал Еремей, – и отваливайте. Я ведь не Чичиков, в конце-то концов.

– Так и сделаем, красавец откормленный, – ледяным голосом согласилась Раиса, и в тот же миг Долбарис был схвачен с двух сторон кремлевскими жвачными. А еще через миг прикован наручниками к железной скобе у печки. И тут же на голове его оказался полиэтиленовый прозрачный мешок с этикеткой «Райское наслаждение».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.